

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: В шаге от рая. Эротический хорор. (Только исключительно для взрослых!).

Изабель

Изабель знала, что она во сне, что она спит, что то что, видит действительно сон. Глубокий и невероятно реалистичный сон. Она просто спала и во сне бежала по лесу, густому, заросшему ветвями корявых изуродованных и страшных толстокорых деревьев.

Изабель путалась ночнушкой о торчащие в стороны толстые кажущиеся живыми ветви и бежала вперед, сама не зная куда. Но куда-то ее влекло непонятным искушенным в том сне девичьим желанием. Желанием скорой обещанной встречи. Она бежала в густом пеленой, и кажущимся неподвижным тумане, тумане, как молоко, в котором было почти ничего не видно, но она словно, знала, куда надо было бежать и она бежала, практически не останавливаясь, ни на секунду. Она спешила, потому, что ее ждал он. Тот русоволосый красавец в том лесном церковном полуразрушенном храме. Там они и познакомились тогда, когда она случайно, а может, и нет, забрела в своем том реалистичном сне в тот полуразрушенный католический храм. Храм в том туманном лесу. Потом она все время вот так туда к нему приходила, и он ее постоянно звал в этот корявый заросший непроходимыми дебрями в округе сказочный и страшный лес. Звал по имени. Звал Изабель. Он знал ее имя. Он этот красавец. Молодой и высокий. Со светлорусыми волосами. Он появился во снах Изабель, как-то вдруг и с той минуты они стали неразлучны, а сны становились все реалистичней. Она их стала чувствовать, как и его. Они прикасались уже друг к другу и были близки, но об этом не знала даже мама Изабель.

Изабель никому про него не рассказывала. Да, а смысл, когда над тобой всегда смеются и считают фантазершей. Твои, например, подружки и одноклассницы. Даже мама делает замечания к ее рассказам и говорит пора становиться взрослой. Изабель уже давно была взрослой, только мама почему-то это не замечала, как и ее саму. У мамы была своя на личном фронте жизнь. Она была вдовой, и у Изабель не было отца. Вот мама и жила своей женской жизнью. Поиском нового приемного отца для Изабель. Скорее в большей степени поиском своего подходящего для вдовы любовника. А Изабель жила сама по себе.

Нельзя конечно было сказать, что мама Изабель была плохая совсем мама, но как-то она последнее время совсем завертелась с этими любовниками и забыла о существовании своей дочери. Она практически ничем не интересовалась. Ни успехами в школе, ни ее Изабель личной жизнью.

А он пришел как-то вдруг и внезапно. Пришел однажды ночью к ней и ее позвал с собой в тот сказочный жуткий корявый лес. Изабель крепко тогда спала и вот он появился. Прямо в ее сне и прямо рядом. Тогда она ощутила его у своей постели. Ощутила на постели и рядом.

Кто он был тогда, этот незнакомец. Молодой и красивый. Правда, старше ее. По всему было видно, но Изабель и мечтала о своем уже любовнике и именно таком, каким себе представляла. Она не хотела иметь дело с ровесниками и теми, кто младше. Так устроена женская психика и особенно в юном возрасте. Все так и норовят завязывать пашни, с кем-нибудь постарше. А тут он этот красавец из того дремучего страшного сказочного леса. Из того полуразрушенного церковного храма.

Кто он? Она так еще и не знала. Откуда он взялся в ее Изабель снах. Кто его позвал? Может ее желания. Желания юной мечтающей о женихах девчонки.

Он как-то быстро ею овладел в ту ночь. И мама об этом не знала. Не знала, что Изабель была уже не девочка. Что у Изабель свой появился тайный странный молодой любовник.

Любовник в ее снах, снах, имеющих реальный контакт с этим миром.

Она не знала, как его зовут, но даже и не спрашивала. Боялась спугнуть ночное счастье. Вдруг не понравится и все он больше не явиться. И исчезнет тот лес и тот храм, в котором был он. Изабель боялась потерять его. Она без памяти влюбилась и жила только этой любовью. Она отдалялась от реальности и жила уже своими снами. Жила от сна до сна. Все остальное было уже ей не важно.

И вот Изабель бежала по этому, жуткому корявому, но живому лесу. Она цеплялась ночнушкой о его вывернутые словно на изнанку толстые ветви. Она бежала, поэтому стелющемся под ее босыми ногами туману. Прямо спрыгнув с постели стоящей в этом же лесу. Этот лес каждую ночь появлялся в ее спальне и окружал Изабель постель. Каждую ночь появлялся у постели ее этот стелющийся под ее ноги молочный густой туман. И Изабель бежала на встречу на призывный своего ночного любовника зов, по этому лесу в тот стоящий в нем полуразрушенный каменный в странных рельефных барельефах церковный храм. Там они были всегда наедине и занимались любовью. Только он и она, Изабель.

Эх, как бы, наверное, обзавидовались ее Изабель подружки одноклассницы, узнав об этом. Ни у кого такого не случилось в жизни. Даже Джинджер, самая старшая в ее классе, которая, девчонкам хвасталась об личных отношениях с бойфрендом. В общем, так себе, таким же, как и у остальных. Но не таким как у Изабель. Даже у Джинджер не было такого красавца. С длинными вьющимися волосами, из-под большой золотой с острыми зубцами короны на голове, как сказочный принц из какой-нибудь сказки. С таким красивым молодым почти женским лицом. С невероятно красивыми голубыми глазами и красивой атлетической фигурой. Если б только все видели его этого ее парня из сновидений.

***

Кто он? Изабель так и не знала, но он любил ее, и это было для нее главное, и он был теперь там в том храме и ждал ее. И Изабель спешила. Спешила на очередное ночное свидание.

Изабель не помнила, сколько в этот раз пробежала. Она особо и не мерила свой ночной по лесу сказочный полет метрами бега. Зачем ведь он ждал ее. Зачем ведь он был там и звал ее опять по имени. Он ее ночной красавец любовник. Они должны были быть вместе. Опять этой ночью.

Как она его любила! Этого красавца из того полуразрушенного готического храма. Даже страха не было в этом лесу. Он ей казался теперь даже родным каким-то, куда более близким, чем был раньше.

Но было еще что-то, что-то в этом лесу. Что-то почти всегда шло по ее пятам и преследовало Изабель. Что-то враждебное и чудовищное.

Она ощутила один раз во сне появление еще кого-то. Тот другой или точнее другая, следила за Изабель, и даже один раз напугала ее. Это была ее соперница. Так Изабель по крайней мере поняла как женщина. Любовь не бывает без подводных камней. Даже во снах. Даже здесь был кто-то, кто хотел помешать их отношениям и теперь опять шел по пятам Изабель, по тому страшному корявому ветвистому живому лесу.

То была женщина. Да женщина молодая, такая же, наверное, как и он. Старше ее, но молодая, черноволосая с длинными вьющимися на невидимом ветру до самого пояса густыми кудрями. Брюнетка. Да жгучая брюнетка с глазами ночной демоницы. Черными как уголь и

сверкающими огнем настоящего ада. Изабель видела только ее голову. Ниже была только тень. Черная женская тень, тень ее змееподобной фигуры, перемещающаяся каким-то образом над поверхностью стелющегося по земле туману.

Кто она Изабель тоже не знала, но знала, что она имеет какое-то отношение к ней теперь и к тому ее белокурому красавцу. Она преследовала ее буквально по пятам, не отставая ни на шаг в том лесу и до самого лесного того полуразрушенного старинного многовекового католического храма.

— Изабель! — раздалось в лесу — Изабель любовь моя! Иди же ко мне!

И Изабель летела что было духу на призыв этой ночи. Она уже стояла на пороге того храма, когда сзади сломалась с треском за ее спиной толстая древесная ветка ближайшего с ней дерева. Та, что преследовала ее, стояла там. Она смотрела на нее страшным пронзительным взглядом молодой жестокой ненавидящей ее ведьмы. Она стояла почти в двух шагах за ее спиной, но не трогала Изабель. Почему не было понятно. Может из-за него? Может он не давал ей прикоснуться к Изабель?

Изабель смотрела на нее, и ей было страшно. Она видела, как та ее ведьма оскалилась и зашипела как змея, а во рту у нее были конические острые как у зверя зубы.

Изабель, напуганная увиденным, быстро перешагнула через порог храма и заскочила внутрь здания под высокий его арочный с колоннадой свод. ***

— Я ждал тебя моя Изабель! — сказал он этот русоволосый молодой любовник красавец — Ты вновь ко мне пришла моя Изабель! Ты пришла ко мне вновь в мой лес и мой дом! И я рад видеть тебя здесь снова! — его голос гулко раздавался под сводами полуразрушенного готического храма.

Он приблизился к Изабель и обнял ее. Потом крепко прижал к себе и прижал ее девичью с распущенными черными волосами голову к своей обнаженной груди. Он был совершенно голым. Всегда. Изабель не задавалась вопросом почему. Он был голым и при их первой встрече, но тогда она не видела его полностью. Он пришел из того леса. Такой светящийся ярким светом. Повис над Изабель кроватю в их первую ночь, ночь первой встречи. Она поначалу видела только верхнюю часть его обнаженного мужского красивого тела, а позднее уже он обнажился перед Изабель полностью и таким был всегда. С момента их первой близости. Он был всегда совершенно голым, и он всегда как-то светился изнутри каким-то непонятным призрачным голубоватым светом. Казалось, его тело излучало само этот странный лучистый свет. Но он был теплым и приятным. По крайней мере, Изабель так казалось.

— Она опять шла за мной! — сказала ему Изабель — Она преследует меня все время! Мне страшно!

— Я знаю Изабель — его голос стал мягким и тихим — Моя Изабель — Он прижал ее еще крепче к своей обнаженной мужской молодой груди — Она мешает нашей любви, но скоро все кончится моя Изабель, все кончится. И для тебя и для меня.

Он схватил Изабель своими сильными голыми, как и его тело, мужскими руками, и, оторвав от себя, поднялся вместе с ней над полом своего полуразрушенного готического храма. В тот же момент казалось, остановилось все, и даже туман который затекал рекою через порог лесного каменного полуразрушенного монастыря. В тот самый момент любовник Изабель поднял ее еще вместе с собой выше под самый проломленный насквозь с обрушенной черепицей потолок призрачного из сновидений здания. И они вместе вылетели через его

крышу и зависли в какой-то уже пустоте, где не было уже ничего совершенно кроме их двоих и белого вокруг тумана. Этот туман окутывал их и кружился вокруг медленно, очень медленно еле заметно.

Он и она тоже очень медленно вращались по кругу, и он держал ее в вытянутых руках, словно она Изабель не весила ни чего.

— Что происходит?! — Изабель испуганно спросила его — Такого ты не делал раньше?!

— Прости меня Изабель, но так хочет она — сказал он ей — Так хочет она. Прости меня любимая — и он оскалился острыми как иглы во рту любовника большими зубами. А Изабель было пыталась вырваться, но уже

не смогла в его тех сильных схвативших ее руках. Она закричала, но крика ее никто уже не услышал. Она дернулась что силы, но запястья рук ее любовника покрылись чешуей под золотыми на запястьях мужа браслетами, а пальцы украсились острыми кривыми как крючья птичьими черными когтями. Они тут же впились в ее девичьи нежные молодые плечи, и потекла по ним ее Изабель алая кровь. Он, подтянув ее к себе наклонив свою с вьющимися из-под широкой золотой с острыми шипами короны на невидимом ветру длинными русыми волосами голову. И слизал невероятно длинным языком с плечей Изабель текущую кровь, размазывая ее по девичьему в изорванной ночнушке телу. За его спиной образовались большие невидимые доселе с жилками перепончатые, покрытые пятнами, как у летучих мышей крылья, которые делали машущие движения, и тело Изабель обвил идущий откуда-то сзади его из-под его мужских тоже с когтями на пальцах чешуйчатых ног длинный похожий на хлыст хвост.

— Прости Изабель — сказал снова он — Так хочет она — и вонзил в ее шею длинные как иглы те свои страшные как у вампира зубы.

Девичий крик раздавался еще долго по ту сторону иного призрачного мира. Мира ночных иллюзий и сновидений. Мира захватившего Изабель вероломно и насильственно, по воле ей неподвластного в плотских

необузданных желаниях молодого еще неконтролируемого совсем юного рассудка и девичьего тела. Ее крик не слышал никто. И ее тело так и нашли лежащим в своей постели, совершенно лишенное крови и изнасилованное с разорванной и вывернутой плотью девичьей промежности. Ее тело было в ранах и ссадинах. Шея, выгрызенная до самого позвоночника, была превращена в истерзанное месиво изорванной плоти с торчащими из нее разорванными венами и артериями, так что голова молодой мертвой изуродованной так и неизвестно кем девицы болталась, падая по сторонам как кегля, и не держалась на ее девичьих молодых изорванных когтями неизвестного хищника плечах.

Такой ее нашла сначала ее мама, а потом и полиция. Никто не мог знать, кто бы мог такое сотворить с молодой совсем еще школьницей. Делались лишь предположения и догадки, но так дело и осталось не раскрытым и стало самым страшным и загадочным в 1970 году убийством штата Мериленд за всю его историю существования.

***

Он лежал на своем каменном ложе под сводом полуразрушенного в лесу монастырского храма. В ледяном ползущем по его каменному полу тумане. Он спал, насытившись вдоволь плотью и кровью молодой девицы. Он выполнил то, что обещал той, которая сейчас ползла черной тенью, извиваясь, как змея, по его в том тумане каменному полу.

— Ты молодец, что съел эту безмозглую сучонку! — сказала она, ползя змеей к нему.

— Это ты заставила меня это сделать! — ответил он ей резко в ответ, проснувшись и оглядываясь по сторонам — Твое вечное присутствие возле меня погубило ее! Если бы не я сам, то ты бы это сама сделала с ней!

— Ты прав Элоим — сказала она страстно, целуя его своими змеиными ядовитыми устами — Вот только не мое, а твое присутствие возле нее погубило эту сучонку — она ответила ему, шипя по-змеиному — Ты мой красавец, возлюбленный Элоим не в силах побороть свои страсти и плотские желания, как и я. Только я бы ее еще и помучила.

Во власти беспокойных подружек

Алина крутилась перед зеркалом. Она крутилась то влево, то вправо перед своим отражением. Она осматривала себя со всех сторон, раздевшись голышом пока никого не было дома. Был уже вечер, часов шесть, но мама все еще была на работе, и папа тоже задерживался и Алине никто не мешал заниматься тем, чем она сейчас занималась. Она крутилась перед большим спаленным зеркалом одна в квартире, любуясь своими девичьими видами и осматривая себя с ног до головы.

Она никак не могла понять, почему так в личной ее жизни не совсем все клеилось. Особенно с кавалерами. У Алины все, никак не завязывались ни с каким парнем близкие отношения. Почему она и сама не знала. Все подружки и одноклассницы были при своих кавалерах, а вот у Алины никого не было. Что-то было не так. Алина много раз пыталась завести отношения хоть с кем-нибудь из своего двора или класса, но все безуспешно. Дружба ни с кем, ни получалась надолго, а уж о близких отношениях уж и разговор можно было не заводить. И Алина так и не

понимала, что могло быть не так в ее девичьей молодой жизни. Вернувшись со школы еще в час дня и не застав никого дома, Алина, раздевшись до ногаты, ходила, в чем мать родила в одних черных девичьих из блестящего шелка плавках по всей квартире и смотрела на себя в зеркале и оценивала себя со всех сторон и крутилась как ненормальная. Она получила в школе отличные как ученица старших классов отметки и сегодня считала ей можно все, пока родителей не было дома. Пока они были на работе.

— «Что-то было не так? Что?» — думала она. Еще эти странные какие-то непонятные сны. Сны приходящие каждой ночью. Она их видела с недавней поры. Как-то они, начавшись внезапно, и теперь не переставали сниться Алине, почти каждой ночью. Она постоянно теперь видела какой-то странный темный затуманенный страшный корявый с толстой корой лес. С вывернутыми жуткими закрученными ветвями. И еще, этот странный живой белый туман, стелющийся медленно по земле, ползущий туман. Алина никому не рассказывала про свои эти сны, даже родителям и не придавала им значения, но эти странные сны навязчиво повторялись и ее это уже беспокоило. Алина была хороша собой. Она даже лучше была своих одноклассниц подружек. У нее была стройная даже красивая девичья фигура. Упругая полная с красивыми сосками девичья грудь. Особенно ее ноги и особенно на высоких каблуках. Как она смотрелась на тех каблуках в мини-юбке. Особенно на городской дискотеке. Она, с косым разлетом черных бровей, темноволосая синеглазая шатенка. Она такая была единственная непогодам развитая в своем дворе и классе, серьезная по отношению к баловницам одноклассницам подружкам, без дурилки в мозгах и всякого баловства в своей девичьей голове. Она хорошо училась и была лучшей в своем классе. Но вот в личных отношениях хоть с кем-нибудь у Алины не вязалось никак. Она просто не могла выглядеть белой вороной среди одноклассниц и подружек. Это была внегласная и тихая коллективная

даже насильственно навязываемая девичьим обществом подружек, какая-то доктрина. Буквально во всем под страхом быть не такой как все не давала покоя Алине. И она себя рассматривала в том большом зеркале, думая только об этом.

В это время позвонили в дверь. Это ее одноклассница и закадычная подружка Ленка, ломилась в ее дверь. Шобутная Алинина подружка и вертехвостка. Она упорно не слезала с дверного звонка и, наверное, взбудоражила уже весь подъезд.

Алина накинула быстро домашний халатик и подскочила к двери. Она посмотрела в глазок двери. Точно это была Ленка. — «Что за дурная эта Ленка» — подумала Алина — «Весь сейчас дом подымет». Она поспешно открыла ей дверь.

— Привет подружка! — залетела на порог Ленка — Как дела? — Ленка проскочила в коридор квартиры и заглянула в первую попавшуюся комнату — Забыла, какой сегодня день?!

— Пятница — ответила заполошной подружке Ленке.

— На дискотеку пойдешь? — скороговоркой громко спросила она — В «Хромую лошадь». Там все будут наши — она бегала по коридору — Вот я забежала к тебе. Ну как, пойдешь?! — еще раз спросила Ленка.

— Пойду! — несколько, оторопело и даже растеряно, на это неожиданное предложение ответила Алина — Я когда-нибудь от такого отказывалась! — обрадовалась она возможности потусоваться — Надо только собраться. Не пойду же я голая! — Алина едко ответила Ленке.

— Ну, так собирайся, я подожду! — прокричала радостная Ленка — Телек посмотрю?!

— Посмотри — ответила Алина и побежала спешно переодеваться. Она написала записку папе и маме о своем скором отсутствии из дома и походе на вечернюю дискотеку и что будет дома поздно. Так чтобы не беспокоились ее родители. И бросилась наряжаться в надежде кого-нибудь

подцепить там на танцах. Этот недостаток в своей жизни Алина хотела, как можно быстро исправить. Нельзя было выглядеть белой вороной в глазах школьных особенно подружек.

Бар «Хромая лошадь»

Шум вечернего бара закружил двух подружек. Они в коллективе своих школьных друзей и подруг веселились, напропалую прыгая как угорелые под дискотечную музыку. Там было много пришлых и приезжих людей со всего города и округи. Бар был сильно переполнен и все толкались, чуть ли не локтями продираясь сквозь одичавшую от музыки толпу в основном молодых людей. Кого тут только не было и совсем еще молодые сопляки, и довольно редкие, но и в уже зрелых годах и телом подпитые изрядно особы. «Хромая лошадь» гремела на всю округу и была с улицы заставлена легковыми до отказа машинами. Люди приходили и уходили, кто на время покурить, кто, совсем уже нагулявшись пьяными вдрызг и крича, они садились в такси или личные машины разъезжались по городу в свете неоновых ламп реклам и уличных фонарей. В самом баре была дикая толкотня и суета. Крик и визг и грохотала как пушечные выстрелы танцевальная музыка.

У самой стойки ночного бара было тоже полно народу и несколько тесновато. Все заказывали постоянно себе различные коктейли или напитки. Порой просто сидели от нечего делать на высоких табуретах, смотря, как ловко бармены управляют в поте лица со своими обязанностями, гремя стаканами и бутылками.

— Привет — сказала, подсаживаясь близко на освободившийся табурет, одному сидящему здесь мужчине лет, наверное, сорока молодая с красивыми локонами длинными спадающими до ее красивых плеч русых волос, лет тридцати женщина.

Она была одета в короткое черное с вырезами декольте, вечернее платье, именно видимо на этот случай и сидела у соседней стойки бара. Она смотрела долго на сидящего не так далеко от нее лет где-то сорока мужчину, но тот не очень, то крутил головой и не смотрел по сторонам, чтобы ее заметить.

— Привет — она повторила, обращая еще раз на себя его внимание. Он посмотрел на нее пристально, словно, не узнав ее и снова, отвернулся.

— Может, угостишь даму вином — она нагло сделала мужчине предложение.

— Что клиентов мало — грубо по-хамски ответил он ей.

— Да нет, хватает — холодно сверкнув умопомрачительным взглядом сверкающих и синих, как море глаз, она ответила ему — Отбою просто нет. Да все не те.

— Значит, бар выбрала не тот — ответил снова он грубо и без настроения.

Она осторожно почти незаметно пропустила свою руку ему между ног, глядя прямо в его большие широко открытые возмущенные ее такой наглостью глаза.

— Не делай вид, что не узнал меня — сказала настойчиво она ему. Он резко повернулся к ее красивому обрамленному кудрявыми русыми волосами молодому лицу голову и уставился на нее в упор.

— Слушай — он ей ответил возмущенно — Шла бы ты отсюда красавица!

— Неужели не узнал — ответила ему снова с придыханием молодая девица.

— Узнал, не узнал, какая разница — он опять ей холодно ответил — Ты опять нацепил женское тело Умбриэль.

— Значит, узнал мерзавец — ответила ласковым голосом наглая девица.

— Узнал — ответил он, ей недовольно поворачиваясь обратно к барной стойке — И что с того?

— Вот значит где ошиваешься в стороне от нашего небесного дома, и как тебе земля Миленхирим?

— Так себе — ответил молодой девице мужчина — Отстой. А тебя что занесло в наши края Умбриэль?

— Вот залетел по старой братской дружбе Миленхирим — ответил ему Умбриэль. Решил попроведать старого небесного друга — он сделал небольшую паузу и сказал — И ты вижу мне не рад.

— А чему радоваться — сказал Миленхирим, потупив в стойку бара взор — С небес выгнали на эту землю и заставили болтаться вечно среди этих людей. Он кивком головы показал за его спиной на переполненный танцующими зал — И вообще убери все-таки руку с моих яиц! — возмутился Милехирим.

— Вот как! — удивленно сказал Умбриэль — Раньше тебе все это нравилось, там на Небесах! Помнишь!

Миленхирима нервно передернуло — Слушай, зачем ты здесь. Что тебе от меня надо — произнес недовольно мужчина — Я знаю, Ангелы просто так не прилетают! — он посмотрел пристально в глаза Умбриэлю — Явно, что-то опять стряслось с миром или грядет апокалипсис.

— Стряслось Милый мой Миленхирим — сказал Умбриэль — Стряслось — он убрал девичью свою молодую руку оттуда, куда до этого положил, щупая тонкими девичьими пальцами мужское достоинство соседа. И положил ему ее на плечо.

— Ты нужен нашему Отцу Миленхирим — сказал уже жестче Умбриэль — У него есть для тебя работа.

— Вот так новость! — чуть ли не восторженно произнес сосед Умбриэля — Богу понадобился я! В кои веки и именно сейчас и здесь в этом поганом месте!

— Это я предложил тебя ему — пояснил Умбриэль — Поработать на Рай.

— Поработать, как ты там сказал, на Рай! — мужчина громко, чуть не подпрыгнув на табурете, возмутился — А может наш Отец заставил это сделать тебя — ответил нервно Миленхирим Умбриэлю. Может ты с небольшим желанием сюда прилетел.

— Понимай, как знаешь, любимый мой Миленхирим, но ты нужен ему и нужен именно сейчас — ответил Умбриэль.

— А может, я нужен тебе?! — повышая голос, продолжил Миленхирим — Может, ты боишься попасть в его немилость и упасть сюда на Землю, где сейчас я, или куда ниже Умбриэль?! Ты там, в Райских кущах у его Трона предал тогда меня! Ты даже не заступился за нашу любовь и остался у его Трона, а теперь прилетел и чего-то хочешь от меня! — и он, отвернувшись от миловидной тридцатилетней обворожительной особы, замолчал, оттолкнув свой напиток в сторону по барной стойке, так что бармен, смотрящий на них, еле успел поймать стеклянный большой бокал. А она, выгибаясь, как кошка в спине, прижалась к нему своей трепещущей от возбуждения девичьей грудью и всем телом к его спине. Обняв его своими женскими молодыми руками, замурлыкала нежно ласковым обворожительным голоском — Надо же, уже покрыла седина вески, мой милый Миленхирим — положив, одну руку на его голову, перебирая тонкими Ангела пальчиками, его седеющие волнистые черные стареющего стремительно мужчины локоны — Время не щадит тебя. Это, какое по счету Миленхирим твое уже тело?

— А твое? — он дернулся в ответ и дернул свою седеющую голову, сбрасывая с нее руку своей умопомрачительной красоты соседки.

Повернувшись и отодвинувшись, он рассмотрел с неподдельным в ответ ей наглым интересом ее всю от прелестного молодого женского личика, до очаровательных в коротком ночном черном платье и в лакированных черных на высоком тонком каблуке туфлях стройных ног.

— Второе — ответил Умбриэль.

— И опять женское — словно насмехаясь, произнес Миленхирим.

— Ты же знаешь Мелинхерим — ответил ему также ласково в ответ Умбриэль, мы Ангелы Божьи все бесполое и вольны себе выбирать любое тело. И облик сменить нам не помеха.

— Знаю — ответил ей сорокалетний седеющий мужчина — Так кто ты теперь он или она.

— Каждому свое любимый мой Миленхирим — ответил Умбриэль — Я скорее больше женщина, чем мужчина. И ты это знаешь, лучше других Небесных Ангелов. Ты тут в нижних мирах видно все больше приобщился к разнополой жизни. Живи, как знаешь любимый. Я теперь Мелинхерим не знаю — ответил ему Умбриэль — Что для тебя лучше теперь Ад или Рай.

— Так, что тебе все-таки нужно Умбриэль? — задал, дернувшись снова нервно вопрос Миленхирим очаровательной своей соседке — Ближе к делу.

Умбриэль снова пододвинулся почти в упор к Миленхириму, чуть не касаясь его своей полной в убийственном декольте грудью — Элоим сбежал из Рая — Умбриэль это произнес тихо и еле слышно — Твой близнец брат Миленхирим. Он последовал за своим братом, за тобой. Он забрал с собой Божью благодать и стал демоном. Он выстроил свой новый им мир внутри этого мира. Мир снов и иллюзий. Вот уже чуть ли не тысячу лет он питается

молодыми совсем еще юными девицами и трахает их. И это не дает покоя никому, ни на земле, ни на Небесах.

— Вот как, а ты ревнуешь! — Миленхирим едко улыбнувшись, ответил Умбриэлю и снова повернулся к барной стойке — Как ревновал меня когда-то до падения к другим Ангелам! Когда ты, от ревности, бросив меня, занялся любовью с ним!

— Ты идиот! — вспыхнул, уже выходя из себя Умбриэль. Его глаза сверкнули злобным астральным пламенем — Ты не слушаешь, что я тебе говорю! Ты совсем с ума сошел здесь среди этих живых придурков вокруг! Оглянись и посмотри в этот дурацкий их танцевальный зал! — он повернул соседа на стуле лицом к танцующей на танцевальной площадке молодежи — Мы все наказаны своим Отцом! И Ты, и Я! Наказаны за них! За соперничество между нами! За нашу с тобой любовь мой любимый Миленхирим! — и голос опять Умбриэля стал мягким и нежным — Но Отец хочет положить этому конец и вернуть тебя в лоно Божье и вернуть твоего сбежавшего родного брата. Он простил нас! Простил всех нас, там на Небесах! Простил тебя Миленхирим! И просит тебя о помощи! Он хочет положить конец вражде ангелов, и просит вернуть Элоима в обитель Божью! Только ты можешь это сделать! Только ты любимый мой Миленхирим!

— Ты это просишь за него или за себя? — спросил Миленхирим у Умбриэля — Кому это больше нужно. Ему или тебе Умбриэль? Ты тогда проявил трусость по отношению ко мне — немного прервав диалог и посмотрев в девичьи обворожительные глаза Умбриэля, Миленхирим продолжил — Из-за тебя я уже чуть ли не тысячу лет здесь в этой земной дыре, мой любимый Умбриэль — и подколот едко — Или любимая?

Прекрасные девичьи глаза в черной оправе тонких изогнутых бровей Умбриэля засветились неистовым гневом, но тут же, они снова стали прежними — Ты обвиняешь меня в трусости Миленхирим, но сам пал до уровня человека! Ты Ангел Божий стал почти как вот эти все дергающиеся на той площадке! — лицо смотрящего в зал Умбриэля передернулось презрением — Что хорошего пасть вот так до их уровня!

И получить вот это твое такое гниющее стареющее год от года тело! — Умбриэль обидчиво и капризно, как женщина, отвернулся к барной стойке и замолчал. Миленхирим повернулся к нему и прижался плечом

к обворожительной молодой особе, обняв за тонкую гибкую женскую талию.

— Вам может чего-нибудь налить? — спросил, слушая вскольз, их разговор и принимая его за бредятину обколотых или пьяных придурков бармен. Умбриэль посмотрел на бармена красивым взглядом очаровательных женских наполненных теперь непотребной страстной гипнотической любовью глаз и произнес с придыханием — Я не буду, налейте вот ему моему соседу. Он так долго на этой земле, что забыл, что такое моя к нему любовь.

Бармен, ошарашенный видом этих женских потрясающе красивых сексуальных синих глаз, чуть не выронив сам тот бокал из рук, качнул одобрительно головой в ответ и наполнил быстро и виртуозно по

профессиональному бокал соседу тридцатилетней красотки. Миленхирим увидев это усмехнулся увиденному, и убрал руку с талии Умбриэля.

— Прости меня Умбриэль — произнес Миленхирим — Прости, и не помни зла. Я действительно засиделся в изгнании на этой земле. Пора домой к

своим. Прости меня Умбриэль, произнес он еще раз — он тихо произнес своей прелестной и обиженной на него соседке. Она ничего здесь не ответила ему, а только сказала — Он простит

тебя Миленхирим. Он уже простил твоего брата. Он хочет вернуть его из того мира, в котором он поселился. Не подведи его и меня Миленхирим — Умбриэль снова повернулся в танцующий зал и заставил взглядом повернуться Миленхирима — Сделай это ради них — он смотрел в сторону танцующих

молодых девчонок. Где танцевала с подругами, веселясь в танце Алина, смотря на нее, и туда же посмотрел Миленхирим, заметив его взгляд на

ком-то в этой толпе. Он тоже заметил Алину и понял, что хочет Умбриэль.

— Ты правильно меня понял Миленхирим — ответил Ангел Ангелу — Он ждет твоего решения. И этого от тебя буду ждать я — Умбриэль встал от барной стойки и пошел к выходу. Не оглядываясь и, видимо, сохраняя еще обиду, виляя женским упругим задом, и стуча высокими каблуками черных блестящих туфель, прошел сквозь охрану и исчез за дверями ночного бара.

***

Было уже два часа ночи. Он провожал ее домой. Этот Вадик. Новый знакомый Алины. Они шли к ней домой. Шли по темным улицам их ночного города. Он провожал Алину до самого подъезда дома. Луна светила желтым светом им в спину, и они шли, даже не оборачиваясь и не оглядываясь назад.

Этот высокий крепкий парень из соседней, как оказалось школы их такого же одиннадцатого выпускного, как и Алина класса. Они шли, обнявшись и прижавшись, влюблено друг к другу.

Алина познакомилась с ним на этой ночной дискотеке в «Хромой лошади». Они подходили друг другу. Он черненький брюнет, а она шатенка и тоже темноволосая, как и он и тоже с голубыми глазами.

— «Кажется, я влюбилась!» — думала Алина — «Опять влюбилась! Только бы все было нормально!». Она крепко прижалась к своему ночному ухажеру и так шла с ним до самого своего подъезда дома.

Они так шли и не видели, что сзади за ними тоже шли. Одиноким ночной силуэт по темным, плохо освещенным в ее районе улицам преследовал неотступно двоих молодых подростков влюбленных. Он этот темный силуэт держался постоянно на отдаленном расстоянии, чтобы не очень привлекать чье-то внимание и чтобы его ни кто не услышал передвижения. Он конечно мог приблизиться, но только не сейчас и не здесь. Он тот, кто шел за ними строил свои планы. — «Все свое время» — так он рассуждал. Он шел за ними и тоже провожал до самого Алининого ее

дома. Он видел, как те двое молодых остановились у подъезда и поцеловались. Потом вошли в подъезд. Он быстро подошел к дому и подъезду и стал ждать нужного момента.

Он был болен. Сильно уже болен, не то, что раньше, когда ему было еще тридцать, когда были первые признаки этой человеческой смертельной для этого несовершенного тела болезни.

Рак. Он доконал его тело, в котором он находился и надо было его уже менять. И сейчас был самый момент. Все сейчас поменялось с приходом Умбриэля. С приходом Ангела любовника, ему вдруг захотелось произвести на него свое впечатление, и нельзя было упустить момента. Миленхирим забыл все давние вековые обиды на Умбриэля увидев его в теле той молодой сексапильной крутозадой девицы, которая намертво сразила одним только взглядом того дурочка бармена. Еще эта молодая хорошенькая земная девчонка. Почему бы для начала ему не познакомиться с ней. Умбриэль на нее зачем-то указал и сказал, что благодаря ей, он

вернет своего потерянного беглеца брата Элоима. Но это еще не совсем старое сороколетнее заимствованное у чьей-то погибшей трагически души тело уже было непригодно для жизни, но Миленхирим не хотел убивать того молодого парня, он это ни когда не делал. Он приобретал тело либо во время трагической какой-нибудь развязки, либо в морге, прямо почти из-под скальпеля анатома. Он собирался теперь, лишь использовать тело этого парня и подчинить на время себе его душу, чтобы приблизиться к этой Алине. И вот он стоял в тени и кустах возле ее закрытого дверью подъезда многоэтажного дома и ждал. Он должен был вскоре появиться. Этот Вадик, как звали этого парня. Миленхирим ждал свою намеченную жертву стоя в самой тени большого кустарника и был практически в темноте невидим.

***

Он подкараулил его выходящим из подъезда этого дома. Этого Эдика там или Вадика, да не важно. Он его душу пока затолкал на самый задний план этого молодого и просторного насыщенного живой животной силой секса тела. Он Миленхирим снова был молод и бодр и готов на подвиги, как и раньше. Где же ты мой Умбриэль! Когда я тебя снова увижу!

Миленхирим знал, что это еще не конец их встречи. Он должен дать ответ на прошение самого Отца своего как сын изгнанник. Он захотел обратно в Рай. Он захотел к братьям своим и к трону Бога.

— «Боже мой!» — сказал про себя Миленхирим — «Боже мой, как я хочу назад!». Нужно было только вернуть брата Элоима. Он даже не подозревал, как это будет непросто. Что придется драться за его ангельскую душу. Ему придется драться за эту школьницу девчонку в том мире, мире его родного брата.

Миленхирим избавился от старого изношенного раком умирающего тела, просто испепелив его, своей силой ангела, и развеяв как ветер, и шел теперь по улице вприпрыжку, и почти бегом, нацепив на себя новое тело молодого двадцатилетнего парня. Он даже знал теперь, где он живет. Он покопался в его мыслях и узнал о нем многое. О его отце и матери. И теперь шел в направлении его дома. Нужно было не расстраивать его родителей, пока он был в его молодом теле. Нельзя было нарушать некоторые данные им здесь себе самому заповеди. И в первую очередь нельзя было, чтобы его родители начали сходить с ума от пропажи своего любимого сына. Ну, там дальше поиски и милиция, сами знаете. Это все не входило в планы Миленхирима, когда на кону стояла жизнь его родного брата Элоима.

Миленхирим подошел к дому этого Вадика или Эдика и поднялся на нужный этаж, где была его родительская квартира. Он позвонил в дверь, и открыла мама этого парня.

— Ты чего так долго?! — она возмущенно ему на повышенных тонах сказала — Опять танцы и девки! А об учебе кто думать будет! В институт думаешь поступать?! Один танцульки на уме!

Миленхирим знал, как надо делать в такой ситуации. Многовековой земной жизненный опыт подсказывал развязку любой ситуации. Он поцеловал в щеку маму. И та сразу оттаяла, любуясь своим практически уже взрослым сыном. Миленхирим прошел в квартиру и в свою комнату.

— Ужинать будешь?! — громко спросила мама его как своего родного девятнадцатилетнего сына.

— Нет пока! — тоже громко, чтобы мама услышала, он крикнул ей голосом Вадика — Я там натрескался, так, что буду только спать!

— Ну, смотри тогда! — прокричала ему мама с кухни — Если, что, то ужин в холодильнике! Миленхирим закрыл за собой дверь в комнату Вадика и улегся, раздевшись на его постель. В

субботу встреча с любимым Умбриэлем и надо было быть в надлежащей привлекательной форме. Где он его теперь встретит Миленхирим, не знал, но зато чувствовал, что встретит и точно завтра в субботу. Он это чувствовал, как Ангел чувствовал Ангела. Надо было выспаться после этого шумного бара и встречи с Умбриэлем. Где он его еще теперь увидит? Но то, что увидит это точно! Он подумал еще — «Как хорошо, что есть еще и мама!» — и он уснул снова как человек в новом человеческом теле.

Под сенью призрачного леса

Алина, поужинав с родителями, готовилась ко сну. Уже стояла глубокая ночь на дворе, часа три. Счастливая новым своим знакомством с

молодым парнем, она разобрала сама свою постель, и уже собиралась ложиться. Как вдруг почувствовала какой-то легкий холодок на своей оголенной под вырезом ночнушки спине.

Она быстро обернулась. Ей показалось, что кто-то дыхнул ей в спину. И даже вроде как прикоснулся. Словно рукой. Холодной какой-то пятипалой рукой. Она вздрогнула и легла быстро в свою кровать. Закрывшись теплым

одеялом, Алина опустила голову на подушки и закрыла свои глаза.

— «Показалось» — подумала она и как-то быстро даже вдруг заснула.

Раньше такого с ней не было, чтобы вот так быстро могла она заснуть. Обычно проходило довольно много времени, и потом только она засыпала, а тут Алина сама не поняла, как оказалась в том опять странном искривленном черном корявом толстокором лесу. С кривыми, вывернутыми как наизнанку ветвями. Она даже не понимала, заснула она или нет. И раньше так было, когда сформировался первый раз в ее сознании этот сон и этот лес.

Этот кажущийся живым лес окружал опять ее постель. Спальня куда-то вся в ее квартире исчезла, и пространство вокруг как бы до беспредела расширилось. Во все стороны. И везде был только один этот уродливый жуткий лес. И она была посередине этого бескрайнего, загадочного и невероятно реалистичного леса. По низкому пологу этого странного кривого искореженного ветвистого без единого листика на деревьях леса, тек как молоко белый малоподвижный туман. Он тоже казался живым, еще, наверное, живее самого леса. Он тек из-под Алининой кровати и мимо ее. Куда-то в стороны. По торчащим и выступающим корням ветвистых перекошенных стволами деревьев.

Алина сидела на своей разобранной кровати, накрывшись до самого подбородка теплым одеялом. Буквально закутавшись в него целиком. Было как-то здесь неуютно и холодно. Она огляделась кругом и не знала, что теперь делать. Алине было страшно.

— Не бойся — вдруг раздалось откуда-то со стороны перед ее постелью из самого леса — Не бойся Алина — снова последовал неизвестный в каком-то сдавленном спрессованном и загустевшем здешнем холодном воздухе. Алина даже от испуга подпрыгнула на кровати. Она снова услышала этот голос — Не бойся моего леса Алина. Он тебя не обидит — снова раздалось откуда-то из леса — Встань и иди ко мне Алина. Он тебя не тронет, как и я.

Алина и сама не поняла, как уже стояла на ногах, закутавшись по-прежнему в свое постельное одеяло. Она поднялась со своей постели и пошла. Пошла куда-то вперед и сама не зная куда. Прямо по густому белому туману, оплетающему ее голые босые ноги. Она шла по какой-то почве, которую не видела под ногами из-за этого густого как молоко тумана. Она шла на голос зовущий ее к себе. Ветви деревьев касались ее рук, но странно выгибались и не царапались, а было лишь щекотно. И Алина даже как-то успокоилась, и шла гонимая девичьим интересом, куда-то вперед практически не сворачивая в глубину леса от своей

оставленной и брошенной спаленной кровати.

— Сюда! — эхом разнеслось по лесу — Сюда Алина! Иди ко мне! Я тебя жду! — голос раздавался то где-то далеко от нее, то совсем рядом. Он вел Алину по черному затуманенному белым, как молоко туманом лесу.

Алина уже и не помнила, как дошла до порога какого-то высокого выступающего прямо из тумана полуразрушенного готического церковного всего расписанного выступающими резными барельефами храма. Барельефами все возможных сцен насилия и прелюбодеяния. Где — то был слышен шум воды. Где-то недалеко, в стороне в лесу от храма. Она то и дело все крутила своей русоволосой девичьей головой по сторонам и вот она уже стояла у каменного его порога под высоким арочным с колоннадою сводом. Алина переступила осторожно, этот каменный порог и была внутри его под высокой круто скошенной по обеим сторонам двух скатов, черепичной полу обрушенной крышей. Она огляделась вокруг и не могла понять, куда она пришла. Ей было просто интересно. Все было настолько реально, как будто она и не спала совсем. Она даже хотела притронуться хоть к чему-нибудь, чтобы проверить реальность увиденного. Но только она попробовала дотронуться до одной из подпирающих высокий свод крыши колонн, как кто-то прикоснулся снова, как тогда, к ней. Опять та же пятипалая холодная рука. Опять к голой ее спине по срезу ночьнушки. Она резко повернулась вокруг своей оси, и... она увидела его! Он стоял за ее спиной, почти чуть не касаясь ее, вплотную и смотрел на Алину большими выразительными голубыми красивыми глазами. Его эти глаза буквально светились каким-то внутренним ярким искрящимся огнем. Он стоял по пояс в этом белом обвивающем его ноги и весь низ тумане. Казалось, он вышел из этого тумана и он и туман одно целое. А может, так оно и было.

Они смотрели друг на друга, какое-то время молча. Алина рассмотрела этого сказочного туманного незнакомца.

Это был молодой человек, по крайней мере, Алина так посчитала для себя, не старше на вид ее нового знакомого Вадика. Но гораздо красивее на лицо. Особенно лицо его поразило воображение Алины. Такого лица она в жизни никогда не видела. Лицо этакое, почти даже скорее, женское или похожее на лесного Эльфа. Как в какой-нибудь сказке. Тонкое, словно натянутое, без единой морщинки, и зауженное книзу к аккуратному подбородку с маленькой ямочкой на нем. Кожа лица была

белая и казалась такой тонкой, тонкой, что светилась, как и он весь изнутри каким-то голубоватым светом. Изогнутые тонкие дугой брови на его высоком, под широкой плотно одетой золотой короной с острыми выступающими шипами вверх. Сходились, красиво расширяясь на переносице его остrokонечного узкого, тонкого и прямого по все длине носа. Носа с узкими маленькими ноздрями. Его золотая корона Алина заметила, была покрыта, какими-то неизвестным резными орнаментом или письменами. Из-под нее вниз спадали длинные развевающиеся на невидимом ветру очень длинные, наверное, до самого пояса, светло русые кудрявые вьющиеся крупными локонами волосы. Волосы такие, каких нет, наверное, ни у одной земной женщины. Они буквально извивались этими локонами по какому-то странно сдавленному и загустевшему, но подвижному воздуху. Этот необычный сдавленный воздух ударил в голову Алины. У нее закружилась от волнения и возбуждения сразу девичья голова, и она начала сразу падать и терять во сне сознание. Ее ноги подкосились, но она не упала, а оказалась в объятьях сразу подхватившего ее красавца незнакомца.

Алина почувствовала его руки на себе и что она парит высоко над полом этого лесного полу разрушенного храма. Парит на сильных мужских руках подхватившего ее этого лесного сказочного Эльфа.

Она была теми его в золотых браслетах на запястьях руками прижата к его красивой атлетичного вида мужской обнаженной упругой груди. И он смотрел на нее все время, молча, не отрывая своего небесно голубого цвета глаз от ее лица.

Он понес Алину вглубь своего жилища к каменному похожему на широкую постель ложу. Плавно скользя над полом в белом, парящем и вьющимся вокруг его пояса тумане.

Этот загадочный лесной Эльф положил ее очень аккуратно в то ложе, и встал сам рядом с ней, наклонившись над ее лицом, и прошептал тихо — Алина. Очнись и ничего не бойся — прошептал он голосом похожим на игру струнной флейты — Я рад увидеть тебя здесь. Здесь в моем мире и в твоих сновидениях.

Алина приподнялась сама на руках на его каменном ложе и сама впилась девичьими двадцатилетней школьницы губами в его тонкие словно резные четко очерченные яркие алые губы.

Хозяин Снов и Иллюзий

— Узри мой мир красавица моя! — громко Элоим сказал — Мой мир Снов и Иллюзий. Он весь твой, как и я! Весь без остатка!

Элоим целовал Алину на том каменном ложе. Ложе его страсти и любви. Он обнажился весь перед молодой девицей, и лег на свое ложе рядом с Алиной, и туман, поднявшись с пола перетекая тонкой молочной пеленой, накрыл их обоих по пояс в той каменной постели сотканной из снов и видений.

Она сама раздвинула свои полные бедра стройных красивых девичьих ног, добровольно ему, идя на встречу и отдалась его воле ночного Инкуба из своих сновидений. Все было добровольно. Все и эта ее разгоревшаяся внезапная и безумная к этому существу из ее ночных иллюзий любовь. Она забыла про своего нового знакомого кавалера Вадика. Забыла насовсем. Теперь только он. Только он единственный ее любимый в этом странном мире. В мире только ее и его Элоима.

Он овладел ею своим большим как у быка членом. Глубоко вонзив его в ее девичье молодое влагалище, он причинил ей нестерпимую боль. Алина, чувствуя, как рвется ее половая плоть, вскрикнула и простонала громко от той нахлынувшей на нее боли, но боль тут, же и быстро прошла и сменилась вдруг неопишным наслаждением, заменившись еще большей страстью, через невыразимую сладострастную оргию и невероятное сладостное ощущение близости с этим лесным сказочным существом. Алина

впала в некое гипнотическое сладостное неопишное блаженство в любовном слиянии с этим загадочным ночным столь страстным любовником. От возникшего внезапного радостного

удовольствия в близости с ним она первый раз ощутила, как превращается в женщину. Она влюбилась с пол оборота в этого лесного красавца Эльфа, овладевшего вот так ею на этом каменном ложе.

Она даже не знала, что так бывает. Как рассказывают подружки соплячки про близкие отношения с противоположным полом. Она, уже не контролируя себя, даже начала сама делать соответствующие сношению движения и елозила по его Инкуба большому члену. Обняв его своими девичьими руками, Алина целовала Элоима в те его тонкие налитые алым

цветом губы. Ее девичья большая уже не по годам грудь с торчащими возбужденными сосками раскачивалась из стороны в сторону под широкой грудью трахающего ее сказочного любовника. Он мямл и ласкал Алинину ту девичью упругую качающуюся по сторонам грудь и кусал нежно за ее торчащие возбужденные соски. Он делал это осторожно и нежно, как настоящий любовник. А кровь с разорванного влагалища Алины, смешавшись с выделениями и смазкой, капала на каменное под ними ложе с разорванной половой девичьей плоти. Стекала по внутренней стороне Алининых бедер ног и капала на ложе необузданной любви, и оно впитывало девственную в себя кровь Алининой разорванной промежности.

Он тоже вслед за ней, громко застонал от удовольствия, и как сумасшедший закричал враз на нескольких голосах в своей необузданной страсти. Его рев как львиный рык прокатился по всему призрачному черному лесу и среди его вывернутых наизнанку ветвей. Элоим, разорвал ее Алинину ночьнушку своими руками буквально в клочья и сдернул с ее девичьего под ним извивающегося в оргии судорог от сексуального необузданного удовольствия девичьей молодой,насилуемой плоти тела. Придавив Алину собой и своими сильными мужскими руками к изголовью этого ритуального трона безудержной своей страсти. Он, выгибаясь вверх, в узкой мужской Инкуба талии. Вонзал ударами голых сильных ягодиц, все глубже свой большой торчащий, как стальной жезл половой орган в ее девичью молодую девственную промежность. Крики и стоны обоих любовников разносились по всему затуманенному белым живым туманом призрачному черному лесу.

Их накрыл полностью белый туман, укрывая от всего. И в этом белом непроглядном тягучем густом и плывущем медленно через двух необузданных в неутолимой любовной страсти любовников тумане, раскрылись Элоима широкие перепончатые в прожилках как у летучей мыши крылья. И меж напряженных любовью в работе голых мужских Инкуба ягодиц, вылез наружу длинный извивающийся как большая живая змея над ложем любви хвост. Он перестал светиться изнутри ярким голубоватым светом. И его руки и ноги Элоима покрылись змеиной чешуей до самых колен и локтей и вылезли кривые из пальцев рук и ног черные звериные кривые когти. Только Алина его такого всего не видела и не видела его распахнутых над ней этих перепончатых драконьих крыльев. Она, прижавшись плотно к Элоиму, закрыла, стеной от непередаваемого сладостного удовольствия, закатившиеся глубоко зрачками под веки свои синие девичьи, затуманенные любовной страстью глаза, и всецело утонула в той поглотившей ее всю безудержной любви к этому неземному существу. Алина первый раз кончила под стремительным и мощным напором и натиском в своем влагалище проникшего туда члена Элоима, и кончила потом еще несколько раз. Затем и он в нее кончил неоднократно на протяжении всей любовной их ночи до самого утра.

Когда Алина проснулась в субботу утром, она лежала в своей спальне и на своей постели. Было часов десять и на ней не было ничего, кроме своего нагого измученного неудержимой любовью девичьего тела. Где была ее изорванная ночьнушка, она понятия не имела.

Алина плохо помнила все, что было потом. Какие-то мутные видения из ее сна. Она помнила, как шла обратно по лесу. Совершенно голая, и упала на колени даже под каким-то слабо льющим сверху откуда-то над ее головой с какого-то скального обрыва водопадом. Она даже припомнила прохладу падающей воды на своем истерзанном любовью теле.

Она была вся мокрая, вся в синяках и была поцарапана. Но, то, что она испытала в своих сновидениях, не было сравнимо, ни с чем. И даже с тем, что рассказывали ее Алинины подружки. У нее болело все девичье молодое тело и особенно ее девичья промежность. Ей

больно было шевелить ногами. Все между ним горело болезненным огнем. Она терпела, как могла эту боль. И ей надо было, как то скрыть этот неземной половой контакт с этим безумно красивым существом.

Алина поняла, что была влюблена, влюблена до полного безумия. Она не знала, что так бывает. Этот первый контакт. Контакт с Элоимом, как

он себя ей назвал, был просто чудесен, не смотря на всю эту теперь полученную при их близком общении боль. Он ей сказал, что вскоре все пройдет. Пройдет эта боль. В отличие от людей и к следующей ее с ним встрече она будет вполне здоровой и готовой на новый половой контакт.

Мой любимый Элоим

В субботу Александр по заведенному личному графику пропадал в библиотеке. Он снова рылся в библиотечном городском архиве. Он в ней торчал часов с девяти, прямо с открытия и перемолотил здесь руками и глазами уже все, что мог, но вот найти нужную книгу никак не мог. Было уже два часа дня, а он все не вылезал из библиотеки.

— Но ведь, говорили, же что есть! — он сказал сам себе громко вслух и возмущенно. Он упорно искал нужное издание по эзотерике и мистике за двухтысячный год — Обманщики! Эти библиотекари! Чтоб их! Вот так каждый раз нужно никого, не спрашивая самому все искать! Хорошо хоть я здесь на хорошем счету и в архив пускают.

Этот ряд архива библиотеки был забит до верха обо всем, что связано с иными мирами и уфологией. Но его интересовали конкретные вещи.

Он искал редкие почти в единичном экземпляре издания Блаватской и еще ряда известных мистиков и эзотериков. Он все, что было известное, уже все перечитал и переизучил до дырок в обложке. Вместе со своим

знакомым экстрасенсом и медиумом Яковом Могильным Александр занимался теориями проникновения в иные пространства и общением с духами. У них были свои даже контактеры и они имели уже колоссальный опыт в своих таких вот экспериментах и изысканиях.

Совершенно повернутые на этом деле они даже не испытывали страха перед неизведанным. Как чокнутые они только этим и жили вдвоем как умалишенные фанаты теоретики загробной потусторонней жизни. Вся их одинокая теперь в этом шумном городе жизнь была заключена только в этом. Его друг Яков Могильный был одиноким по жизни типом и жил только своей работой местной гадалки и экстрасенса. Это его не дурно кормило и на хлеб с маслом каждый раз всегда хватало. У него была даже по всему городу расклеена на каждом баннере и стенде реклама его рабочего студийного офиса, чем он и жил. И жил весьма не плохо.

Александр же был тоже одиноким человеком, но судьба его была немного иной в прошлом. Он был когда-то семейным человеком, имел книжный бизнес. Поэтому любил книги и был подкован в этом как надо. Но позже его младший брат пропойца Виталик промотал его книжную фирму «Книжный мир» и продал, чуть ли не за бутылку своему коллеге по бизнесу. Александр доверил ему эту фирму, а он прожег ее и по-прежнему пьянствовал. Они с ним практически не общались и даже враждовали. Особенно когда у них умерла мать, сыновья возненавидели друг друга на почве передела материной квартиры.

У Александра на Виталика была постоянная озлобленная обида еще и за мать. Он сам ее на свои собственные сбережения и хоронил. А брат плевал на все и только и думал со своей такой же, как и он, супругой отжать материнскую у него квартиру.

Александр был крепким по комплектации еще не старым лет так сорока девяти мужчиной. Он занимался спортом и имел даже свой спортзал, где занимался в основном теперь один раскачкой мышц. Он в молодости служил в армии в разведроте при ракетной части, где-то за Байкалом, откуда все и пошло и на гражданке все и продолжилось. Так, что он был достаточно силен и мало кто об этом его достоинстве знал, кроме, пожалуй, наверное, брата алкаша Виталика и этого медиума и экстрасенса его друга Якова Могильного.

У Александра была в прошлом жена, но опять, же жить с ней у него не вышло на почве семейных проблем и неурядиц и проблем с их общим сыном.

Думается долго рассказывать обо всем в жизни Александра смысла нет и нет смысла в это описание углубляться. Главное что он теперь был вольная птица и занимался сам собой и изучал эзотерику и мистику, как и его друг Могильный.

Вот и теперь пока он рылся в библиотеке, тот под гипнозом занимался какой-то старушкой пришедшей к нему со своими возникшими жизненными проблемами. Он ввел ее в обычный, несложный гипнотический транс. И копался в ее прошлом, и настоящем, где-то на уровне подсознания, в ее старушечьей голове, ища затерявшегося в ее старой памяти где-то там под старческим склерозом старика мужа. Пытаясь завязать с ним связь с иного измерения из загробной жизни. Старуха лежала на кушетке перед ним, а он сидел рядом с ней в удобном кожаном кресле и они оба бродили по ее воспоминаниям еще давнишней молодости.

Надо сказать сразу это была не очень приятная для него работа. Копаться в мозгах старухи, и он старался побыстрее от нее отмазаться.

Он неожиданно для себя вдруг каким-то краем зацепил какой-то странный мир. Именно под гипнозом этой дряхлой старухи. Этот непонятный мир из древнего корявого какого-то уродливого леса. Здесь в ее старческих мозгах. И это куда более заинтересовало Якова Могильного. — «Откуда это могло взяться у нее?» — подумал с нескрываемым интересом, он вместе с ее старушечьей памятью путешествуя по иному миру и ища умершего ее старика деда. — «Это совсем что-то иное? Это не загробный мир!» — он говорил себе. И продолжал смотреть на странное живое, наполненное текущим как медленная река по земле белым туманом изображение. Он бросил уже искать того мужа старухи умершего бог знает уже когда старика и задал спящей под гипнозом старухе вопрос. — Скажите, пожалуйста, Маргарита Львовна что это? — он сказал ей там в ее голове и показывая на черный в кривых вывернутых наизнанку ветках странный и страшный лес.

— Это сон милоч, мой сон — ответила она.

— Сон говорите, а что за сон? Если не секрет Маргарита Львовна? — переспросил он ее.

— Сон моей молодости — ответила она ему — Он постоянно со мной и иногда я его вижу.

— Говорите молодости — удивленно спросил Яков Могильный.

— Да — ответила спящая снова старуха — Я его видела и была в нем еще молодая.

— Да, а теперь что же не заходите туда? — он продолжил расспросы — Ну так по старой памяти.

— Нет и зачем? — ответила она ему — Я несколько раз была там и теперь дороги мне туда нету — старуха под гипнозом логично и хорошо и четко отвечала на все и любые задаваемые ей вопросы.

— Говорите Маргарита Львовна нет дороги, и почему? — поинтересовался Яков.

— Он не пускает меня больше к себе — ответила старуха — Я уже старая.

— Не пускает, потому, что уже старая? — настаивая ее спрашивать, спрашивал Яков — Кто не

пускает Маргарита Львовна?

— Любовник моей молодости — ответила, ему даже не скрывая, старуха — Мой милый красавец Элоим! — она заулыбалась во сне и задышала тяжело старой старушечьей грудью.

— Кто этот Элоим Маргарита Львовна? — все больше заинтересовываясь расспросами, продолжал старуху спрашивать Яков.

— Ангел любви моей. Давнишней любви, когда я еще бегала по тому лесу к нему молодая — она словно вспоминала те путешествия, и свою с тем ангелом любовь, уже совсем забыв про своего покойного старика — Боже, что это была за любовь! — продолжала во сне старуха — Что за чудесная любовь! Только я и только он в том лесу и в том каменном

храме на каменном ложе любви! Еще эта Изигирь! — она как-то задержалась на кушетке лежа, и лицо старухи перекошилось, словно от

чудовищного ужаса. Она резко замолчала и затряслась. Руки ее задержались в припадке.

— Маргарита Львовна, что с вами?! — забил панику Яков — Что твориться?! — он вдруг тут же сам увидел своими глазами эту страшную черную шевелящуюся со светящимися красными огненными глазами призрачную тень, которая всплыла в памяти старухи. Он быстро вышел из собственного гипнотического транса и начал выводить старуху.

***

Когда уже было три часа дня, Александр подходил к дому, где находилась их с Яковым штаб квартира, студия или мастерская их совместных потусторонних изысканий, он увидел скорую помощь у самого подъезда их дома. Он рванул туда, предчувствуя что-то неладное. Александр ворвался в квартиру, где Яков Могильный занимался очередным своим сеансом и увидел его сидящим с понурой головой в своем кожаном кресле. Здесь же была и милиция. Машину, которой Александр сразу не заметил, за углом дома.

Пришлось давать ответы Якову на вопросы по поводу трагического сеанса гипноза с возможными в скором времени последствиями.

Яков переживал за свою теперь работу. Его также теперь могли просто затаскать по инстанциям и завести даже уголовное дело.

— Накрылась, наверное, Санек наша контора — тихо с горечью в глазах сказал Яков подошедшему к нему Александру — И все из-за этой старухи.

— А что случилось то? — в непонимании происходящего спросил у товарища по работе Александр.

— Да в сущности какая-то жуткая бредятина — продолжил Яков — Старушечьи фантазии по прошедшей молодости и ее смерть. Еще какие-то странные видения в ее мозгах. Какой-то странный лес и она говорила, про какого то, Элоима. Про какую-то Изигирь.

— Вот как! — удивился Александр — Я где-то слышал это имя.

— Какое? — вопросительно посмотрел Яков на своего друга Санька.

— Первое — произнес Александр — Про второе мне пока вообще ничего не известно.

— Но не это странно Санек, что старуха эта умерла — посмотрел на Александра с напуганным видом Яков — Странно то, что я сам там видел.

— Что ты видел? — спросил его полупшепотом Александр, чтобы не привлекать внимание здесь же врачей и милиции.

— Я видел сам этот мир некоего Инкуба Элоима — ответил на вопрос ему Яков — Я видел странный черный корявый лес в памяти этой почившей старухи. Лес или точнее быть мир того Элоима. Это был реальный живой в живом тумане

мир. Но что странно эта старуха имела прямое отношение к этому видению и к тому, кто там живет.

В это время подошел милиционер и положил бланк лист на столик рядом с креслом Якова. Он не дал договорить Якову.

— Так господа гусары. Старший лейтенант следственной группы Иванцов — сказал офицер милиции — Будем составлять теперь письменные показания ваших здесь странных и не очень понятных нам товарищам милиционерам потусторонних опытов.

Полуденный любовник

— Я знал, где тебя на этот раз найти — сказал Умбриэль Миленхириму, рассматривая его своими женскими очаровательными любвеобильными глазами.

— И давно ты здесь? — спросил Милехирим Умбриэля — входя через порог своей квартиры, точнее квартиры из жизни прошлого его старого больного тела, и закрывая за собой дверь, сказал Миленхирим.

— Вот со вчерашней ночи здесь ожидаю тебя. Мой ненаглядный Миленхирим — ответил Миленхириму Умбриэль — Сегодня уже суббота, и ты должен дать мне ответ Миленхирим — он, не отрываясь, смотрел пожирающим его женских глаз взглядом и тут же задал Миленхириму вопрос — Ты поменял тело любимый! Где ты его подобрал? — глаза Умбриэля дико и как-то загадочно сверкнули любовным огнем — Какая очаровашка!

— Я уж думал, не узнаешь — сказал специально так ему Миленхирим.

— Это ты мне говоришь Умбриэлю — рассмеявшись, сказал Ангел другому Ангелу — Тебя я в любом облики узнаю мой ненаглядный Миленхирим.

Он сидел в кресле, в затененной комнате с красными до полов в складку спадающими большими шторами, закрывающими от дневного яркого света эту большую главную в квартире Миленхирима комнату. Умбриэль специально до прихода Миленхирима поставил это кресло посреди этой большой комнаты, наверное, чтобы произвести в этом полумраке не двусмысленное впечатление своим женским видом на Миленхирима.

Вот так здесь и наедине, он распустил по своим женским молодым плечам русые красавицы вьющиеся локонами длинные волосы и был в том же своем вечернем укороченном платье, что тогда в том ночном баре. Миленхирим не спускал своих теперь молодых наполненных желаниями близости глаз со своего Райского любовника. Он подошел и встал напротив Умбриэля, и они так некоторое время любовались друг другом.

Миленхирим хотел его. Хотел уже сейчас и здесь в этой квартире. Он хотел это девичье молодое трепыхающееся гибкое тело и полной страждущей любовных ласк девичьей груди. И уже представлял, как ее целует. Как вдыхает запах этих вьющихся длинными локонами до самой тонкой талии волос. Как целует Умбриэля сладострастные его страждущие только его Миленхирима любви алые губы. Как обнимает его красивые эти вот перекрещенные сексуально внизу кресла в тех черных лакированных на высоком каблуке туфлях девичьи голые до самых ягодиц стройные ноги. Умбриэль всегда знал, как соблазнить и довести до такого состояния влюбленности Миленхирима.

Уже не было ни каких многовековых обид. Жизнь словно заново начиналась и все как будто в прошлом. И если бы не было ни каких, навалившихся на него как на Ангела обязанностей и других забот, все было бы вообще здесь и сейчас на Земле как надо.

— Совсем молоденький — снова как то ласково, прерывая любовные мечтания Миленхирима и разглядывая его новое тело, произнес Умбриэль — Где ты его нашел Миленхирим? — Умбриэль встал с кресла и подошел к Миленхириму. Он обошел его вокруг, любопытно и заинтересованно разглядывая всего снизу доверху — Знаешь любимый, сегодня я тебя так просто не отпущу, пожалуй. И даже не пытайся сбежать, все равно найду, только будет хуже. Ты меня знаешь. — Конечно, знаю — взирая на своего вечного близкого любовника с непотребным желанием в своих теперь юношеских глазах, ответил Умбриэлю Миленхирим — Кто как ни я тебя лучше всех знает. Мы вообще там были в Раю неразделимая и неразлучная и самая порочная в близких отношениях парочка.

***

Их любовь была безумна и безгранична. Сотрясая весь дом и перепугав всех жильцов среди бела дня своими любовными играми и оргиями эти два необузданных в безумстве любви Ангела, летая от стены к стене, переломали все в этой квартире. Всю стоящую там мебель. Сбили даже люстру, катаясь по потолку кубарем и по очереди, трахая друг друга. Миленхирим схватив женское безупречно красивое тело Умбриэля, не выпускал его из своих теперь молодых юношеских рук.

Он исцеловал его все голые до самой задницы в засос девичьи безумной красоты ноги и зубами истязал всю Умбриэля женскую трепыхающуюся в сладостном страстном желании одного лишь секса с любимым грудь. Черное вечернее платье Умбриэля было в дырах от тех его укусов и изорвано в клочья, как и все, что было под ним. Он Умбриэль раздвинув свои те красивые девичьи ноги, обхватил ими Миленхирима за талию. И сев ему на торчащий в спущенных джинсах

молодого парня его детородный орган, скакал на нем как всадник на лошади, неустанно и не переставая с ним сношаться, летая от стены к стене, зависая в разгромленной ими квартире в самом воздухе. Они летали так от кухни до спальни, через всю квартиру, сшибая все на своем пути. Эта кошмарная любвеобильная и безумная оргия не имела аналогов, как в среде Небесных Ангелов, так и в среде землян, и казалось, вообще ей края и конца не будет.

Внизу под окнами их квартиры бегали перепуганные жители этого дома. Они думали, что случилось землетрясение и вызвали спасателей. Здесь же была и милиция, которая боялась, как и жильцы войти в этот трясущийся и осыпающийся целиком по фасаду жилой дом. Они лишь оцепили место возможной катастрофы и не подпускали кроме спасателей и пожарников никого близко к этому полуденному кошмару.

Энергия любви, вырвавшаяся из двух Небесных любовников, слилась воедино и гроыхала над самой крышей этого несчастного жилого городского высотного дома. Его стены тряслись как в болезненной лихорадке. У жильцов в доме в их квартирах все попадало, и осыпались во многих квартирах стекла.

Что творилось! Никто не знал. Творилось только с этим одним домом.

Вот уже несколько часов. С одиннадцати утра до часа дня, не прерываясь ни на минуту! Что это было?! Но вскоре все кончилось, как и началось. Резко и быстро. Наступила полная после такого грохота тишина. И тряска похожая на землетрясение остановилась. Но жильцы еще долго не решались войти в свой дом, даже после того как туда нырнул и вынырнул МЧС и пожарники вместе с милицией.

***

Они, прижавшись плотно, и крепко друг к другу, еще лежали в поломанной постели этой

разгромленной в пух и прах квартире. Они лежали там, где и началась эта их любовь, переросшая в настоящий кошмар для жильцов этого дома. Он обнимал его. Ангел Ангела. Оба были раздеты до-нога. И еще целовались лежа в той поломанной и изуродованной до основания их той безудержной одно половой ангельской любовью постели.

— Знаешь Миленхирим — сказал вдруг ему Умбриэль — Ты единственный для меня там был на Небесах любовник — он смотрел на Миленхирима влюбленными женскими очаровательными и гипнотическими глазами — Ты единственный кто понимал меня и не побоялся нашей любви. Не побоялся перед лицом нашего Отца.

— Да вот только на Земле оказался я один — вставил Миленхирим — Ты же остался там.

— Да! А кто бы тебя сейчас вытаскивал отсюда! — сказал ему возмущенно, целуя его в любовника, страстные губы Умбриэль — Если бы я не остался там на небесах.

— Какой ты у меня продуманный любовник! — восхищенно ему ответил Миленхирим.

— А, то! — и Умбриэль сел в поломанной лежащей на полу спальни постели.

Миленхирим гладил его по девичьей голой красивой спине — Красавец ты мой Умбриэль — он тоже сел и обнял Небесного преданного до безумной и страстной любви друга — Нет, наверное, никого красивей тебя на тех Небесах.

— Я должен уходить — сказал Умбриэль, прижавшись в последний раз к любовнику Миленхириму и обняв его — Господь ждет меня с ответом. И меня ты здесь больше не увидишь.

Миленхирим посмотрел с грустью расставания в глаза полные страсти и любви Умбриэля. Они были тоже наполнены выразительной ангельской грустью.

— Я буду скучать по тебе Миленхирим — снова ответил Ангел — Не подведи меня любовник мой. Вернись ко мне на Небо. Найди ту девчонку и путь в мир своего младшего брата. Верни Элоима своего брата Миленхирим и мы все снова будем вместе любить вечно друг друга. Не подведи меня Миленхирим — сказал Умбриэль — Не подведи нашу любовь. Любовь моя — он снова припал к губам Миленхирима женскими устами.

Он встал с поломанной постели и вихляя женскими голыми на обнаженном теле бедрами подошел к входной двери. Умбриэль повернулся к Миленхириму и сказал — И смотри, если, что не так, то я тебя затрахую до смерти — сказал с угрозой и улыбкой на девичьем лице Умбриэль Миленхириму.

— Ну, ты же знаешь, милый мой Умбриэль. Что это не возможно — ответил Миленхирим ему — Мы же бессмертны.

— А я постараюсь — едко и колко съехидничал, смеясь Умбриэль и вспыхнув весь огненным астральным пламенем и светясь искрами, превратился в светящийся яркий с голубоватым отливом переливающейся Небесной ментально-астральной энергией шар. Он какое-то время повисел в дверном проеме входной в квартиру двери и мгновенно исчез, взлетев к потолку растворившись в полумраке разгромленной любовной страстью двух Ангелов квартиры.

***

— Твою мать! — сказал Александр Якову — Что теперь будем делать?! Что?! Если все закрутится из-за смерти этой старухи!

— Не знаю Шурик! — ответил ему Яков — Не знаю! Угораздило же ее умереть именно у меня дома!

Был уже поздний субботний вечер, часов восемь, и двое приятелей экстрасенсов и эзотериков совещались сидя в своей рабочей штаб квартире и думая как им выкручиваться из этой

сложившейся неприятной ситуации.

— Я и сам чуть не обделался Шурик — сказал снова Александру Яков — Когда увидел те красные горящие глаза! Ту подлетевшую к нам с этой старухой тень — он продолжил — Она эта Маргарита Львовна назвала ее Изигирью. Кто, такая Изигирь? Но, одно ясно, что я попал в какой-то иной мир, мир, отличающийся от загробного мира и мира мертвецов. Это какой-то совсем иной мир, похожий на мир сновидений и, причем, из мира реальных сновидений.

— Ладно — сказал ему Александр — Не ссы. Я пороюсь в учебниках по мистике и эзотерике и поспрашиваю кое-кого и все думаю, узнаем. По крайней мере, про этого Элоима. Где-то я уже слышал это имя.

— Да! Сейчас по ментам затаскают! — возмущено на грани паники, ответил ему Яков — Скажут, уделали вы эту старушку своими опытами с потусторонним! И самое главное я так и не понял, кого я видел. И как снова попасть в тот странный мир.

По всему было видно, что Якову Могильному как экстрасенсу и медиуму, тот увиденный им мир не давал покоя. Тот увиденный им странный корявый перекобоченный с кривыми стволами жуткий лес.

Он снова захотел его увидеть. И это не проходящее теперь и постоянное желание не покидало Якова Могильного.

Иzigирь

Элоим лежал в своем каменном ложе под сводами полуразрушенного церковного готического храма. Он лежал в своем выстроенном им самим мире. Он отдыхал от той любви с молодой совсем еще юной девицей.

Он знал она опять к нему придет, как и та и та, и та, что до нее. Как все кто был здесь на его каменном в этом месте ложе.

Он в полудреме ощутил приближение еще кого-то. Он открыл свои голубые большие в красивых разрезах век Инкуба глаза. Она уже стояла рядом с его каменным ложем страсти и любви. Она его Изигирь. Его подруга в этом мире. Вечная его Элоима теперь спутница его жизни, еще с того момента когда он упал с Небес сюда в мир людей. Но смог выстроить этот мир, и она помогла ему в этом. Эта

Иzigирь. Любовница и демон. Черная ползущая как тень, как извивающаяся черная змея. Она стояла теперь перед его тронem безудержной любовной страсти. Она смотрела, не отрываясь на него прислонившись к одной из высоких опорных колонн призрачного каменного храма, рядом с его ложем и любовалась его красотой Инкуба. Она безумно любила его и считала себя его супругой в этом мире выстроенном ими обоими. Их только мире, и ни чем больше.

Она черной тенью отошла медленно от колонны и подплыла в тумане к самому ложу Элоима — Как тебе спалось Любимый мой Элоим? — она спросила его мягким шипящим слегка змеиным голосом — Я, наверное нарушила твой покой? Прости меня любимый — и она заползла на его ложе любви и прижалась к груди Элоима. Смотря прямо в его не отрываясь глаза, своими змеиными зрачками черных как уголь глаз, произнесла снова — Или ты не рад меня сегодня видеть мой любимый Элоим? Или я тебе не мила как раньше? Или я плохо тебе станцевала свой змеиный танец любви? Мой красавец Элоим!

Он смотрел тоже в упор в ее те змеиные гипнотические Суккуба глаза на Изигири заостренном остроносом лице и сказал — Я хочу его еще раз увидеть! Моя Изигирь!

И Изигирь ничего ни говоря, сползла с его тела прямо в тот ползущий белый, как молоко

вьющийся, как и она сама живой туман. Она исчезла в нем. А он высоко усевшись в своем ложе страсти и любви, стал смотреть туда, где перед ним вновь должна была появиться его Изигирь. В тот стелящийся по полу его храма туман, который стал подниматься с самого пола храма и виться по спирали вокруг собственной оси все выше и выше. Внутри этого тумана стал раздаваться звук похожий на некий звон и шорох и из тумана показались женские тонкие извивающиеся волной в золотых тонких браслетах руки и потом все голое практически тело молодой очень смуглой и очень красивой девицы. Сверкая черными, как уголь очами и трясая обнаженной своей пышной женской грудью. Она эта черноволосая демоница брюнетка с миловидным девичьим лицом с вьющимися парящими кудрявыми и очень длинными, чуть ли не до самой ее крутой задницы волосами. Вьющимися, как целая масса на ее под золоченым обручем венцом голове змей. Звеня золотыми в ушах большими сережками и вся в золоте украшений. Шелестя набедренной белой прозрачной спадающей по ее красивым полным голым ногам до самого пола вуалью, наброшенной на узкие из золота плавки. Стянутые, туго на ее промежности и волосатом лобке, и на девичьих смуглых крутых бедрах ног, в золотой, набедренный пояс. Это все что на ней было. Она дергая из стороны в сторону голым, полным в овале над срезом узких плавков и того пояса своим девичьим животом, выставляя его вперед своим круглым пушком, и вырисовывая им круги Изигирь начала свой танец. Танец Суккуба. Танец страсти и любви. Змеиный танец живота перед своим возлюбленным Элоимом. Под удары незримых тамтамов и невидимых в том каменном храме барабанов, она извивалась всем телом перед ним как настоящая молодая гибкая и очень красивая любовница змея, соблазняя его вновь своим тем танцем кружа в густом над полом вьющимся и медленно ползущем тумане.

Как самка, жаждущая продолжения рода, Изигирь танцевала этот танец любви перед Элоимом, и Элоим сходил с ума от ее змеиного танца. Этого танца живота. Танца страсти и любви. Он глядел, вновь наслаждаясь ее гибкими движениями материализовавшегося из черной тени извивающегося в невероятных движениях красивого и смуглого молодого девичьего тела. Это была всегда прелюдия перед их брачным ложем. Их близостью в этом их общем теперь храме любви и безудержных страстей в выстроенном ими обоими общем мире, который Изигирь остервенело охраняла от всех непрошенных гостей, а особенно земных соблазненных Элоимом соперниц. Которые сходили по его красоте с ума, как и сама Изигирь, и стремилась сохранить их с Элоимом любовь любой ценой в этом их общем иллюзорном сказочном мире.

Она бесилась при виде любой соперницы и всячески пыталась ее уничтожить. Изигирь была невероятно жестока и кровожадна, и горе тем, кто попадался ей на пути в этом призрачном черном лесу.

Вот и теперь она нашла на ветке дерева разорванную чью-то ночьнушку. И хотела узнать у Элоима о новой гостье, но решила повременить с этим, и теперь хотела с ним только близости, извиваясь, в своем змеином танце живота, приняв облик молодой красивой брюнетки танцовщицы.

Превращаясь, все время в прекрасную восточную танцовщицу, она изводила себя всегда в этом танце страсти и любви почти до бессознательного состояния и Элоиму это нравилось. Он уже представлял в том танце свою Алину. По красоте не уступающую Изигири. Как бы она извивалась сейчас перед ним и их ложем любви, вот так почти обнаженной и совращая его Элоима. Но он видел свою, только наскучившую ему Изигирь.

А Изигирь, любвеобильной голой извивающейся в танце сучкой, кружилась вокруг каменного его ложа в пелене вьющегося тумана, развевая мечущимися по сторонам бедрами прозрачную на ее голых женских ногах вуаль. Как рабыня, наложница, какого-нибудь восточного повелителя или господина, шейха или султана, она вырисовывала круги животом и трясла своими полными девичьими голыми грудями перед глазами Элоима. Гремела золотыми на руках браслетами и серьгами в своих ушах. И по-прежнему сверкая угольной чернотой своих хищных, но наполненных теперь неподдельной страстью сексуального экстаза глаз, она стонала как ненормальная, показывая ему Элоиму, свою безудержную и безумную, пылающую плотской непотребной страстью любовь к нему Суккуба.

Она, выгибаясь перед ним в своей гибкой спине, закатывала вверх в том экстазе демонической самки те свои, из-под надетого на ее девичью голову золотого венца, в косом изгибе тонких черных бровей под верхние веки черные в длинных ресницах молящие о любви глаза. Открыв свой Суккуба сладострастный хищный в зубном оскале непотребной страсти рот. В том танцевальном сексуальном трансе на запрокинутой подбородком к нему девичьей голове, раскачивала перед взором восторженного Элоима своей той полной, упругой с торчащими возбужденными сосками обнаженной запрокинутой кверху грудью. И, раскачиваясь из стороны в сторону сама, свесив до самого пола храма длинные черные кудрями вьющихся змей девичьи волосы и дергая во все стороны голым своим животом, перед ним и почти припадая к полу храма, протягивала к любимому извивающиеся, как две змеи сверкая золотом браслетов танцовщицы и любовницы руки. Она хотела снова его любви, именно здесь и именно сейчас.

Она все ближе и ближе подбиралась как хищница к сидящему на ложе любви своему Элоиму. И в последнем движении своего подошедшего к завершению танца, она, сбросив с себя золото узких плавок с прозрачной вуалью и пояс в стелящийся по полу туман, уронив Элоима на спину в ложе любви, придавила его своей полной сладострастно дышащей и пышущей жаром безудержной страсти обнаженной любовницы грудью. Обжигая всего его своим жарким кипящим дыханием и сверкая дикими черными очами. Пожирая ими его всего, она, выгнувшись в узкой гибкой талии, прижалась неистово своими крутыми раздвинутыми вширь бедрами и женским голым волосатым лобком с возбужденным в вечной течке влагалищем к его в таком же волосатом лобке торчащему от возбуждения большому с задранной плотью детородному растревоженному ее дивным танцем члену. Воткнув его себе в раскрывшуюся вширь бездонной глубокой пропастью плотского греха и порочного разврата в волосяном покрове промежность. Промеж раздвинутых по сторонам в неудержимом желании соития женских в чешуе украшенных черными когтями ног. Схватив тонкими длинными девичьими перстами плечи Элоима, она придавила его своими в золоте тонких браслетов в змеиной до локтей чешуе руками демоницы